

Лариса КУЛИЖНОВА

МОИ ЭКСПЕДИЦИИ

Сидим в пронизанной майским солнцем студенческой аудитории, сессия уже позади и сейчас будут зачитаны списки тех мест и организаций, где нам предстоит проходить летнюю практику. Вот звучат Александровский и Шегарский районы Томской области, Ангарский район Иркутской области, следом Омская область, и девчонки (у нас в группе в основном девчата) поднимают руки, чтобы их записали. Прозвучал Сибирский ботанический сад с экспедицией в Туву. Вот это сюрприз! Ведь в столице Тувы мой дом, и я быстро поднимаю руку, пока никто не перебил мою кандидатуру. Дальше по спискам идёт археологическая экспедиция на Алтай, там тоже нужен почвовед. Как загадочно звучит: археологическая экспедиция. Мне уже хочется к ним... Волнуюсь, и не знаю, как поступить. Руку подняла Лида. Нет, всё правильно, ничего менять не надо, мне лучше отправиться ближе к дому.

Собраны вещи в дорогу, а те, что были нужны в студенческом быту, сейчас надо оттащить в общежитскую подвальную камеру хранения и оставить их там до сентября. В наши опустевшие комнаты вселятся абитуриенты, и они будут хозяевами здесь на три летних месяца. Завтра я отправляюсь на перекладных электричках до Новосибирска, а уже оттуда с группой новосибирских студентов отправимся в Туву.

Вот я и в Новосибирске, теперь с городского вокзала предстоит ехать автобусом до Академгородка. Нахожу нужную остановку, и с удивлением отмечаю, что люди в ожидании автобуса выстроились в одну строчку, как в очередь. Оказывается, что в академгородской автобус действительно надо заходить по очереди. Никто не толкается, заходят по одному и рассаживаются. Кому не хватило сидячего места, те поедут стоя или останутся ждать следующий автобус. Вот бы на всех маршрутах так было!

Нашла ботанический сад, расспросила специалистов, и выяснилось, что группа студентов с руководителем уже три дня как выехали, а я немного опоздала. Правда, одна из участниц экспедиции задержалась, можно поехать с ней. Был указан её адрес проживания. Прихожу, звоню в дверь нужной квартиры, и мне открывает сухонькая старушка в клетчатой рубашке и узких брючках, через плечо перекинута кухонное полотенце.

– Ой, наверно, вы мама Веры Прокофьевны, а мне нужна она!

– Нет, я не мама, я и есть Вера Прокофьевна, и я еду в экспедицию. Но не сейчас, а через неделю, у меня ещё дела по работе.

Что ж, буду добираться одна и искать отряд на месте дислокации базы.

БИО – ЭТО ЖИЗНЬ

Лето 1978 года, Тува, полевой стан близ с. Балгазын

Вот я и на базе Центрального отряда геоботанической экспедиции ботанического сада СО АН СССР. Нынешняя экспедиция проводится под общим

руководством профессора Александры Куминовой, и является частью большой флористической экспедиции Ивана Красноборова, которая рассчитана на десять лет, с 1970 по 1980 годы. В состав экспедиции кроме нашего отряда входят ещё высокогорный и степной. Наша база расположилась в одном из летних отделений совхоза «Пламя» – лучшего совхоза республики. Рядом находится русско-тувинское село Балгазын, которое русское население именует попроще, Балгазиком. Длинный домик барачного типа поделён на две равные половины: в одной располагаются трактористы и комбайнёры совхоза, в другой – мы, биологи. В отряде кроме руководителя и восемнадцати студентов состоит ещё чертёжница Тоня, уже известная сотрудница Ботанического сада Вера Прокофьевна и водитель Михалыч. Цель экспедиции – изучение флоры Тувинской АССР, определение запаса травяной массы, составление прогноза по естественному кормообеспечению скота.

Я, студентка третьего курса Томского госуниверситета, взята в экспедицию для описания типов почв, на которых произрастают изучаемые геоботаниками виды растений. Все остальные – это студенты-геоботаники из Новосибирского университета, они второкурсники. Каждое утро шесть-семь студентов вместе с руководителем садятся в старенький «уазик» и уезжают до вечера на маршрут. Оставшиеся на базе занимаются просушкой ранее собранных гербариев, описанием видов растений и другой камеральной работой. Почему-то у наших соседей-совхозников складывается впечатление, что жизнь у нас слишком лёгкая и безоблачная, и это их очень задевает. Когда тебе 18–19 лет, то невозможно жить без шума, песни, приключений... В нашей половине всегда шумно – находится повод для шутки, смеха, а иногда душа просит походной песни под гитару. Так проходит первая трудовая неделя, наступает воскресенье. Маршрутов на воскресный день нет, наш руководитель уехала по каким-то делам в город, предоставив всем день отдыха для помывки-постирки и прочих гигиенических процедур. У совхозников тоже выходной, они отсыпаются после субботней вечерней пьянки. Мы сидим после обеда перед окном в своей половине и разбираем по видам укосы – состриженные с квадрата поверхности почвы метр на метр все травинки. Вдруг слышим нарастающий шум мотора, и с ужасом наблюдаем, как прямо на нас движется огромный красный комбайн. Сейчас эта клацающая и громыхающая машина въедет в широкое окно и снесёт полдома вместе с нами. Девчонки оцепенели, а студент-очкарик Миша Протопопов пулей летит во двор, и вот он уже в кабине комбайна хватает за руки пьяного комбайнёра. Комбайн застыл в полуметре от хрупкого окна. Хотя Миша носит очки, он вовсе не слабак, и может дать отпор нахалу, а ещё он – душа компании, балагур и весельчак, при этом умница-эрудит. Проходит пять минут, и в комнате появляется Миша в обнимку с мужиком огромного роста, с красным пропитым лицом.

– Ребята, – говорит Миша, – это Лёша, он отличный парень, и у него даже есть медаль за ударный труд, а ещё о нём печатали статью в газете. Садись, Лёша, расскажи, с чего это ты решил нас так поугагать? Сейчас мы тебе сто грамм походно-гербарных нальём.

А было у нас походно-гербарных всегда 25-литровая алюминиевая канистрочка. Много раз я ездила в экспедиции, и ни разу не видела, чтобы они

использовались по своему прямому назначению, для консервации растений. Оттуда наливалось по 50 грамм ребятам, вернувшимся из маршрута промёрзшими, или водителю по сто грамм в воскресный день – за переработку и для поднятия тонуса. Канистрочки хватало на все 70 экспедиционных дней. И хотя никто её особо не прятал, не было случая, чтобы спирт пропадал втихую.

Лёша выпил сто грамм, закусил немудрёной походной закуской, и говорит:

– Вот приехали вы, биологи, и шумите тут, и машина ваша без конца туда-сюда снует, или под окнами на травке стоит, а после на этом месте ничего расти не будет. Вы же жизнь губите, а ведь БИО – это жизнь, я со школы знаю! Какие же вы биологи?!

Лёша обвёл нас всех помутневшими глазами, и, поняв, что никто с ним спорить не будет, решил, что всё же мы неплохие ребята, и стоит дружить домами. Мы пошли знакомиться на их половину. Там были два тракториста, и не такие пьяные, как Лёша, и не такие грозные. Показали нам пойманного ими бурундучка с тремя чёрными полосками на спинке. Предложили взять, если надо, их магнитофон. Магнитофон нам не понадобился, а с бурундучком позабавились все: подержали его в своих ладошках, погладили, потрогали пушистый хвостик. Совхозники даже предложили нам воспользоваться их банькой для помывки, и Миша немедленно побежал её топить. До этого мы уже все перемылись в совхозном душе – холодном помещении с чуть тёплой водой в системе. Вечером нас ждал праздник помывки. Сначала мылись ребята, оглушая степь довольными криками, потом пошли мы, девчонки. Банька стояла у примыкающего к базе лесочка, низенькая и прокопчённая. Освещалась она свечным огарком, стоящим на крохотном оконце. Пол в предбаннике был застелен свежим сеном. Мытьё было сказочным: пахло пряными травами, распаренным берёзовым веником, принесённым шампунем. Напарились, намылись, и почувствовали себя обновлёнными.

Поскольку руководитель нашего отряда являлась и руководителем всей экспедиции, к нам на базу для разных согласований часто заезжали руководители двух других отрядов. Это были Вячеслав Седельников из высокогорного и Юрий Маскаев из степного отряда. Оба они являлись заведующими соответствующих отделов и кандидатами биологических наук. Маскаев был крупным, шумным человеком с роскошной смолисто-чёрной шевелюрой. С ним всегда был большой чёрный пёс, под стать хозяину. Использованные банки экспедиционной тушёнки он очищал своим языком до медицинского блеска.

Первым к нам на базу заехал Вячеслав Седельников с тремя студентами. Приехал на огромном грузовом «УАЗе», которым управлял лихой водитель маленького росточка по прозвищу Сказочка. В его отряде находилась четверокурсница нашего ТГУ, почвовед Любаша Авхимович. Комсомолка, активистка, и просто красавица. Мы учились с ней на разных курсах, и пути наши ранее не пересекались. Зато теперь сдружились с первой минуты. Любаша с Мишей шутками обменивались, как в пинг-понг играли, мы только головы успевали поворачивать, а рты от смеха почти и не закрывали. Тут Любаша говорит: «А у меня завтра день рождения...». Мы, которые наивные, это за чистую монету приняли. Побежали подарок придумывать. Букет полевой нарвали, кошелёчек у кого-то новый при себе оказался, почти лишний, и платочек

носовой, новенький, вручную узорами расшитый. Пошли Любашу поздравлять. И всё как надо – день рождения! Поздравления! И всё такое. Я потом с Любашей в студенческом общежитии не раз встречалась, и на эту её удочку ещё раз попалась. До сих пор не знаю, когда у неё настоящий день рождения.

В отряде у Седельникова жёсткие порядки были: когда студенты шли в горы, им только по два кусочка хлеба разрешали с собой взять, и несколько кубиков комкового сахара. Кормили по-настоящему только тогда, когда спустились вниз, к месту стоянки. Тогда и по 50 грамм наливали, так как очень мёрзли они в горах. Идти надо было налегке, с лёгким желудком и без лишних вещей.

Высокогорцы «гостили» три дня. Недалеко от нашей базы, в пяти километрах, находилось высокогорное озеро Чагытай, с рыболовецкой бригадой на берегу. Любаша вызвалась для нас пеляди у рыбаков выцыганить. Поехали с водителем Михалычем трое: Любаша, Миша и я. Михалыч глаз с Любашки не сводит, говорит, что таким девчатам всё в мире покоряется. Остановились мы около рыболовецкой базы, и ждём Любашу с уловом. Минут десять проходит, возвращается Любаша и говорит, что не получилось, не дали ей благородной рыбки, а дали вот мелочь пузатую: бычков-гальянов, будто на уху и эта сойдёт. В общем, пожадничали. Но уха и из гальянов неплохой получилась. Всё-таки разнообразие, а от ежедневной тушёнки и гастрит недолго заработать. Михалыч, так тот вообще звал тушёнку «нитками», за мясо её не признавал.

Для разнообразия походной кухни мы иногда такую шутку проделывали: когда не твоё дежурство по кухне, то с вечера втихую заводишь тесто на оладьи. Просыпается утром назначенный дежурный, а там тесто из кастрюли готово на пол убежать. Волей-неволей приходится оладьи жарить. Жарит и ругается. В следующий раз сам кому-нибудь такой сюрприз-подлянку устраивает.

Тут как-то Леночка Ипполитова решила, что пора и на пироги замахнуться, и поставила тесто, но уже в открытую, в воскресный день. Профессора опять на базе не было, уехала по делам, а за старшую осталась старенькая сотрудница Прокофьевна. Скучная была старушка, и везде нос совала, любопытствовала. В общем, мы её не любили. Вот настряпали мы пирогов с картошкой, а вовнутрь Миша бумажки засунул. Пирожков полсотни, а бумажек всего три, и написано там следующее: «разорвёт», «мухой» (это нас так торопили в работе: чтоб мухой слетал, всё сделал!), «лепота».

Мы все решили, что «разорвёт» достанется Прокофьевне. В обед похлебали супчик с тушёнкой и макаронками, а вместо второго – пироги до отвала. Ждём, когда Прокофьевна ругаться начнёт, что бумажка в пироге досталась. Не дождалась. «Муха» так мухой и оказалась, тут же кому-то из девчат прилетела. «Лепота» – красавцу Розову досталась, а вот за «разорвёт» никто не объявился, так и не знаем, куда тот пирожок делся. Зато потом про Прокофьевну такую байку услышали! Дашка поведала, внучка профессорская. Говорила, что был в ботаническом саду костюмированный бал под Новый год, и там одна дама всех удивила, лучше всех танцевала. Выбрали её королевой бала, а когда она маску сняла, то все ахнули, узнав в ней старенькую Прокофьевну.

Раз пошли такие эксперименты с ухой и пирогами, то и наша чертёжница

Тоня решила удивить: нарезала на весь отряд крошки, а когда она квас поставила и где его прятала, осталось тайной. Но главная изюминка была в другом: Тоня за столом объявляет, что к крошке будет настоящая сметана, и ставит на стол не банку, а тарелку с белым маслом. Где сметана? – спрашиваем, – а она отвечает, что это и есть самая настоящая сметана. Только ложкой её было не подхватить, лишь ножом, и многие из нас после этого деликатеса в очередь в белый домик стояли.

Почвенные разрезы первую неделю экспедиции я копала сама, ребята-биологи подходили по очереди помогать. Потом приехал вольнонаёмный Андрей Пешков из Новосибирска, и эта работа полностью легла на него. Годом раньше в Туву с экспедицией приезжала его сестра-студентка. Он заезжал к ней, с удовольствием втянулся в походную жизнь, и теперь снова с нами. Песни под гитару – это его хобби и часть нашей экспедиционной жизни. Едем в трясущемся «уазике» к месту маршрута, и поём песни Кукина, Никитиных, Долиной, Визбора. Нашему профессору очень нравится песня о том, как на разбой провожала бабушка пирата, и очень раздражает песня Никитиных «Из Ливерпульской гавани». Андрей знает много песен, а мы, девчонки, переписываем слова в общую тетрадку, чтобы потом подпевать у костра.

ЕСЛИ ХОРОШО ПОПРОСИТЬ

Лето 1979 года, с. Бояровка

В этом году местом дислокации центрального отряда является село Бояровка, расположенное вблизи горной речки Хопто, впадающей в Малый Енисей. Сливаясь в районе города Кызыла, Малый и Большой Енисей образуют Улуг-Хем (Великую реку). Состав студентов в экспедиции немного изменился, Миши пока нет, он приедет позже, зато появился юркий Юра Швец. Говорит, что может всё достать. Если хорошо попросить, а он это умеет. У нас опять тушёнка на первое и второе, и поэтому зачастую тарелки отставляются в сторону почти нетронутыми. Мы с Пожаровой Любашей обошли всю деревню в надежде достать молока или яиц, но всё безрезультатно. Для эксперимента прошу Юрка достать сметаны. Обещает в течение получаса решить вопрос. Очень интересно, как он это осуществит, и мы с Любашей идём вместе с ним. Юра стучится в ближайшие ворота и исчезает за ними. Стоим с Любашей и посмеиваемся. Проходит минут пятнадцать, и из ворот выходит Юрок... с пол-литровой банкой сметаны!

Руководство совхоза расположило наш отряд в заброшенном детском саду, отправив туда предварительно стекольщика и уборщицу. Пару более просторных комнат заняла молодёжь, длинный зал отвели под столовую, и осталось руководству только помещение бывшей горшечной. Оно маленькое, но светлое, и можно поставить две раскладушки. Тувинец-стекольщик, увидев, что там собираются жить люди, очень заволновался, стал мотать головой и махать руками. Не зная русского языка, он жестами пытался доказать, что это место грязное, непригодное для жизни. Увидев, что его усилия напрасны, с досадой махнул рукой и ушёл. Как ни старались девушки уплотнять свои спальники на полу, места для всех не хватало. Решили ставить дополнительно палатку во

дворе. Люба-маленькая вызвалась спать в палатке, но обязательно с кем-нибудь из мальчишек, чтобы не было страшно. В отряде были три Любы, двух из них звали по фамилии, а её, за некоторую кукольность в манерах, всегда Любой-маленькой. Я опешила, когда она выступила с таким предложением, но Юра Швец тут же поддержал её и вызвался составить компанию. Они действительно ночевали в этой палатке весь сезон, нимало не смущаясь пикантностью ситуации. Как ни странно, никто из ребят и не подшучивал над ними, а большие глаза делала я одна.

Юрок сходил с Любашей Пожаровой на молочную ферму и договорился о молоке. После этого по вечерам мы стали ходить туда с трёхлитровой банкой, а по утрам у нас в рационе появилась манная каша.

В первый же субботний вечер у нас под окнами зазвучали голоса деревенских парней, требующих наших ребят на разборки. Студенты не струсили, вышли сразу. Выяснилось, что деревенских злит то, что наши девчата не выходят за пределы базы, не идут в клуб на танцы. В их деревне, оказывается, недобор девчат, даже жениться не на ком, а они совсем не против серьёзных отношений. На следующий вечер мы надели платья (те, что догадались положить их в свои рюкзаки), и в сопровождении своих ребят пошли в деревенский клуб. Сначала был показ кино, а потом танцы. Танцевали мы только со своими ребятами, но, тем не менее, деревенские больше не нарывались. Здесь снова помог Юра Швец. Каким-то образом он заинтересовал деревенских подростков, и они стали виться около него, чуть ли не в рот заглядывая. Как говорится: многое можно, если хорошо попросить (Юрина присказка). Правда, я краем глаза заметила, как он вытаскивал из кармана то ли импортные сигареты, то ли жвачку, и угощал пацанов.

После знакомства с местной молодёжью к нам заглянул на огонёк и зрелый житель Бояровка – Николай Буланов. Он принёс с помощью того же Юры Швца два больших арбуза с совхозного поля. Сказал, что не понаслышке знает, как в казённом месте хочется покушать чего-нибудь не казённого. Оказалось, что он когда-то отсиживал срок на зоне. Николай слушал наши песни под гитару, общался. Пригласил мыться в его бане, что мы потом с удовольствием делали.

Часть наших маршрутов проходила на другом берегу Малого Енисея, куда сплавляться надо было на пароме. Приехав как-то раз на переправу, мы узнали, что паром надолго застрял на другом берегу, так как паромщик пьян. Пропадал намеченный маршрут. И тут Андрей Розов решает на подвиг: он, передвигаясь руками по железному паромному тросу над бурлящей водой, перебирается на другой берег, и подгоняет паром. Руки у Андрея в мозолях, кожа на них содрана, но какой герой!

Вера Прокофьевна перестала ездить в экспедиции, а из сотрудников ботанического сада с нами нынче Валя Шоба, молодая аспирантка «в интересном положении». Один из экспедиционных сундуков набит фланелевыми пелёнками, которые Валя начала готовить заранее. Её научная тема – ареалы спиреи. Несколько наших маршрутов направлены именно по Валиной теме. Выброшен был и десант в предгорья Танну-ола из пяти студентов, самой Вали и аспиранта-почвовода из Томска Нади Харламовой. Десанту оставили четы-

рѣхвѣдерную канистру с водой и продукты. Поставили две палатки на склоне – четырёхместную для студентов и двухместную для сотрудниц. Студенты с энтузиазмом начали стричь укосы, и вдруг дело застопорилось: везде и повсюду на склоне росла крупная, сладкая, заманчивая ягода клубника. Наклонялись и ели, снова наклонялись и снова ели, а потом легли на животы и просто кидали ягоды в рот одну за другой. Стояли жаркие июльские дни, пить хотелось постоянно, но никакого открытого источника на ближайшие несколько километров не было. До того дня, когда за нами приедет машина, пополнить запас воды не из чего. Валя принимает решение о строжайшей экономии воды, и теперь чашки после еды не разрешается мыть водой, их надо вылизывать. Девушки это делают очень тщательно, а парни филонят, не стараются. Чтобы не было путаницы, мы пометили каждый свою чашку, но перед ужином слышится возмущѣнный голосок сотрудницы Нади: «Кто это умыкнул мою чашку! Я старалась, вылизывала, а какой-то паразит стащил!».

В другой раз недельный десант был выброшен на хребет Обручева. Теперь уже по теме Володи Кречетова, а у него тема – растительные ценозы высокогорья. Нас шестеро, считая самого Володю, также Мишу, который подтянулся к этому времени в наш отряд, Саню Агафонова, Любашу Авхимович, меня, и Люба-маленькая здесь же. Время выбрано не очень удачно, так как постоянно льют дожди. Приходится использовать любые паузы между дождями, и по сырой траве собирать укосы и копать разрезы. Когда дождь мешает выйти из палатки, мы играем в карты. Ребята научили нас играть в преферанс. Палатка стоит в совершенно безлюдном месте, высоко в горах. Мы описываем альпийские луга, развернувшие перед нами необъятные ковры сочно-синих аквилегий, черники из кедрового стланика и изогнутых карликовых берѣзок с редкими кустиками тундровой черники на лысой земле. Облака спускаются на нас, окутывая холодной ватой своих недр. Кажется, нога человека не ступала до нас на эту суровую землю. И вдруг в один из дней видим на склоне живую корову! Миша и Саня тут же бегут сломя голову ловить бурѣнку на предмет добычи от неё молока. Носились, не жалея ног, рук и крепких русских словечек, но эта горная корова скакала не хуже альпийской козы, при этом, как танк, преодолевала все препятствия, и умчалась в необозримые горные дали. Как она вообще оказалась здесь, сложно даже предположить.

КРАЙ СТАРОВЕРОВ

Лето 1980, с. Черби

Наступил завершающий год геоботанической экспедиции. В этом году наш центральный отряд поселили в пустующем здании школы села Черби, расположенного на берегу Большого Енисея. Школа большая и места хватает всем. На «уазике» теперь другой водитель, это молодой парень Гена, живущий в счастливом ожидании первенца. Он недавно женился, и как будто до сих пор пребывает в радостном удивлении от случившегося. «Представляете, – говорит, – я совсем не умею ухаживать, а мать говорит: ты просто ходи и дари ей по цветочку, можешь даже и не говорить ничего, только ходи и дари, и она обратит на тебя внимание. Мать у меня в оранжерее ботанического сада ра-

ботает, и под шубой всю зиму по одной розочке приносила, а я дарил. И она согласилась выйти за меня, вы представляете!».

Мы все повзрослели, и любовь начинает ходить среди нас. Миша усиленно опекает Леночку Ипполитову. Садясь в полевой «уазик», он занимает для неё лучшее место и старается закрыть её всем телом от любого дуновения ветерка. Пожарова Любаша по вечерам пишет письма своему жениху в Барнаул. Володя Кречетов этой зимой стал отцом, и теперь зачитывает нам вслух, сколько раз на дню и какой консистенцией покакал его сынок. Супруга пишет ему регулярно, используя при этом крепкую народную речь, а когда Саня Агафонов делает замечания по этому поводу, то Володя режет так: «Не обсуждайте, умники, у меня жена – филолог!».

У нас в отряде есть очень своеобразная девушка, Рита Фигурова. Она ничего не делает в спешке, движения у неё – как в замедленной киносъёмке, речь и мысль работают так же, как бы нараспев. Как-то Рита садится с нами в «уазик», и мы отправляемся в дневной маршрут. Минут двадцать пути минуло, и тут Рита пропевает: «Кажется, я поставила на плиту молоко и забыла выключить».

В отряд к нам прибился некий Петя из старинного русского городка под названием Городец, он приехал встречать свою невесту. Она проходит практику в степном отряде Маскаева, который по окончании работ приедет на нашу базу. Ждать не менее недели, и Петя попросился на это время поработать у нас, сказав, что имеет опыт начальника стройотряда. Впечатление он производил хорошее, и Александра Васильевна поручила ему возглавить группу двухдневного маршрута из пяти девушек. В первый день мы должны были подняться вверх по реке Тапсе, произвести положенные укусы и описания, а к вечеру выйти к группе Володи Кречетова, базирующейся в горах. Днём мы шли бодро, нужную работу сделали, теперь надо было выходить к стоянке Кречетова. Смеркалось, стало холодать. Мы шли и шли, быстро темнело, но палатки Кречетова с костром не было видно. Люба-маленькая первая поняла, что мы заблудились. «Не такие, – говорит, – горы были, когда мы вверх шли. Посмотри, Петя, ещё раз карту». Тут оказалось, что Петя не умеет читать карты (а ведь ничего не сказал Александре Васильевне, когда брал карты из её рук!), и никто из нас тоже не умеет. Где мы находимся, понять не можем. Везде горы, чернота. Ни у кого с собой нет ни спичек, ни фонарика, ни ножа, ни сухарей. Хотя у меня отец геолог, я тоже не ориентируюсь на местности, в маму пошла. Люба-маленькая говорит: «Надо идти к той гряде, что справа, подняться вверх, потом спуститься вниз, и там будет нужная тропа». Остальные девчата притихли, скинули совсем, инициативы не проявляют. Тут Петя заявляет, что у него язва желудка, а он давно не ел, теперь ни о чём думать не может из-за боли. Что же, мы с Леной Ипполитовой приняли решение за всех: раз другого мнения нет, пойдём туда, куда предчувствие Любы-маленькой ведёт. Идём с Леной впереди, специально громко разговариваем и песни поём, чтобы дух у девчат поднять. Люба-маленькая рядом, но молчит. Наверно, переживает: вдруг ошиблась, такую ответственность на себя взяла. За нами, с большим физическим напряжением, топают Таня со Светой-алтайкой, а в хвосте охающий Петя-боец. Нам повезло, что полнолуние было и никакой облачности.

Над нами насыщенно-чёрное небо с яркими звёздами и огромной луной, а мы, маленькие и продрогшие девчонки, топаем, не зная куда, в надежде на чудо. Дошли до гряды и, пробираясь среди деревьев и кустарников, почти вслепую, поднялись на вершину, там увидели другую гору, параллельную нашей. Спустились, пошли к ней. Нашли тропу, стали подниматься по ней вверх, параллельно Тапсе, и часа через четыре увидели огонёк костра. Тут уже у всех крылья за спиной выросли, даже Петя охать перестал. Подошли к стоянке в три часа ночи. У костра сидел Гена-водитель. Не спал, переживал за нас. Пищу в котелке для нас у огня держал горячей. От усталости и стресса даже есть не могли, напились чаю, и по палаткам. Сам Кречетов в ту ночь на стоянку не пришёл, как намеревался заранее, а задержался с Саней на своём маршруте до обеда следующего дня. Мы решили ничего не говорить ему о том, как заблудились, и Гену об этом попросили, иначе бы хороший нагоняй получили. И хотя днём мы должны были ещё один маршрут по плану пройти, никуда не пошли: были не в состоянии даже пошевелить ногами. Они не сгибались и гудели, как провода. Кречетов ругает нас, что маршрут пропускаем, а мы улыбаемся, как блаженные, и такие счастливые, что не пропали в горах, а сидим здесь, у палаток и горящего костра.

Вернулись на основную базу, а там Петю уже невеста дожидается. Маскаевцы пришли и ушли, а она и две девушки, Оля с Полей, остались, чтобы с Петей до города Горького добираться. Невеста такая боевая, прямо командир в юбке (временно в штанах, пока полевая практика). Петя при ней уши опустил, как кролик, и только сопит. Оля и Поля нас очень удивили тем, что, знакомясь, сразу заявили, что они за свободную любовь. Поля была мужланистого типа, высокая и с грубыми чертами лица, а Оля мелкая какая-то, но настойчивая, и носик кверху. Назавтра они все уехали, и слава Богу. А нас ждал очередной многодневный маршрут. Теперь в верховья Сизима, где живут староверы. Вообще-то они живут и в Черби, где у нас основная база, но тут они зависят от государства, так как работают за зарплату, и не соблюдают всей строгости законов старообрядчества.

В Сизиме и Эржее, куда мы направлялись, самое сердце староверческой общины, и законы там суровые. На речной «Ракете» мы доплыли до Сизима, там прошли за посёлок вверх по реке и поставили палатку. Трое ребят и двое девчат. Снова укусы, описания, разбор растений по видам, почвенные разрезы. Запасы продовольствия брали на три дня, чтобы меньше нести в рюкзаках, надеясь прикупить продукты в сельском магазине. Просчитались. В местный магазин не завозили даже хлеб, только муку. Хлеб все пекли по домам. Печенья в магазине тоже не было. Купили лапшу и рыбные консервы. За хлебом решили пойти к сельчанам. Опять не учли, что это староверы строгого толка. Даже разговаривать с нами, мирскими, им было за грех. Мы с Любашей надели юбки, но это не помогло. Просили продать если не хлеба, то хотя бы сухарей, но везде нам отказали. Говорили, что их мужики занимаются охотой и все сухари с собой забирают, а хлеба лишнего они не пекут. Вернулись мы из деревни ни с чем. За нашей стоянкой обособленно стояли ещё две избышки староверов, пошли туда. Сначала к маленькому домику. Постучались, зашли. Бабушка аккуратненькая у окошка сидит, матерчатые чётки-лествицы непре-

рывно перебирает. «Девоньки, – говорит, у меня хлеба нет, да и еды почти никакой нет, пост сейчас. Но идёте, я пряничками своими вас угощу». Выходит с нами в сени, сундук деревянный открывает, и среди разных мешочков достаёт нужный с пряничками. Отдаёт всё, а нам неудобно последнее забирать. Она уговаривает: «Мне всё равно сейчас нельзя их есть, пост держу, а вам будет что покушать». Спрашиваем, как ей тут живётся, не трудно ли одной. Отвечает, что терпимо. Пять лет здесь живёт. Кормится с огородика, картошку выращивает, а много ей не надо. Хлеб не печёт, так как ей одной много не нужно. Лепёшки иногда печёт, а сейчас и без них. За хлебом лучше к старосте пойти, в большой дом, только та может отказать. Сама бабушка приехала с Дальнего Востока. Сама искала такое тихое место, где власти не мешают молиться, писала письма в разные концы, вот и нашла. «В мире много соблазна, – говорит, – а от мужчин особенно. Замуж не надо выходить, там грех один». От ласковой бабушки мы направились к большому дому. В огороде увидели склонившуюся женщину в платочке, та прополкой занималась, обратились с просьбой к ней. Сказали, что мы – студенты-биологи. Женщина обрадовалась. «Ой, – говорит, – Господь нам послал вас, а то жучки совсем замучали, поедом зелень косят, посмотрите, может, подскажете, как от них избавиться?». Мы с Любашей ничего сказать не можем. Я – почвовед, она – геоботаник, в насекомых не разбираемся. Жуки мелкие такие, блестящие. Тут старшая подходит: «Почему с мирскими разговариваешь?» – и на нас строго: «Чего вам тут надо?». Мы давай извиняться, чуть ли не со слезами хлеба просить. Велела идти за ней в избу. Зашли, там видим стены бревенчатые, не оштукатуренные, посередине аналой с большой раскрытой книгой на нём. При входе справа стоит стол струганого дерева, ничем не застеленный. На нём два круглых хлеба, полотенцами накрытых. Дали нам один из хлебов и велели больше не приходить, не беспокоить. Хлеб большой, килограмма на два, нам его до конца маршрута хватило.

ЭПИЛОГ

Вот и закончились наши маршруты. Хорошо на них было, душевно. Про Туву наш экспедиционер Андрей Пешков даже песню сочинил, перефразируя барда Александра Гаранжа:

Мы колесим по Туве,
У нас работа такая:
Укосы, где только можно, стрижем,
А после их разбираем.
На жизнь не жалуемся никому,
хоть иногда и взгрустнётся,
Мы вспоминаем о доме родном,
И счастье нам улыбнётся.
Куда бы судьба бы меня ни забросила –
К чёрту на Север, в Туву к комарам,
Эту бездомную, эту колёсную
Жизнь никому не отдам, не отдам.

А после того, первого года летней практики наша группа почвоведов ТГУ, собравшись по осени, активно обсуждала, у кого как прошла эта практика. Без приключений нигде не обошлось. К Асе, проходившей практику на севере Томской области, приходили местные мужики и просили показать опыты. При этом их приводило в восторг простое титрование растворов с индикаторами. Когда менялся цвет жидкости в колбах, они радовались, как дети.

Наде на практике в Александровском районе приходилось добираться до места раскопок почвенных разрезов на лошади с телегой. Ей был выделен молодой конюх, который возил студентку, он же копал и разрезы.

Лида была очевидцем раскопок древнего городища на Алтае.

Галя проходила практику на территории Обского бассейна, и так красочно описала это в студенческой стенгазете, что люди подходили и спрашивали: «А что такое польдер?».

Ирине, потерявшей деньги на обратную дорогу, пришлось добираться от Красноярска до Томска «воздушным зайцем» в гаражном отсеке самолёта.

Собранный во время практики материал послужил в дальнейшем основой для написания дипломов. Защитились, и разъехались по распределению по городам обширной Сибири. Кто-то работал по специальности, а кто-то поменял профиль. Страна переживала трудные периоды своего существования, то перестраиваясь, то распадаясь на части, и мы вместе с ней перестраивали и выстраивали свою жизнь. Через сорок лет после окончания университета вдруг снова собрались, теперь уже в социальных сетях. Разве можно забыть ставший родным за годы учёбы город студенческой молодости, наш Томск?